

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 1:5

Н.К. Анохина

ПРОБЛЕМА НАУЧНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕМАРКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ

В современном мире наука и культура все активнее взаимодействуют и являются взаимообуславливающими факторами друг друга. В культуре конца XX – начале XXI вв. наблюдается тенденция «как бы стирания» граней между научным и вненаучным знанием (обычное знание, искусство, псевдонаучное знание). Особенно большой критике подвергается сопоставление с наукой псевдонаучного знания, выдающего себя за научное, связанное с «постмодернистской чувствительностью» (В.А. Лекторский). В связи с этим становится весьма актуальной проблема научно-культурной демаркации. Это обусловлено рядом факторов.

1. Человек только приступает к изучению себя, своего сознания, психики на глубинном, информационном уровне.

2. Появились уникальные технологии, которые позволяют проводить подобные исследования.

3. Получены экспериментальные данные в разных областях человеческой деятельности, которые не укладываются в рамки современных теорий и требуют нового осмысления, возможно, с привлечением элементов иррационального.

4. Изменяется в культуре отношение к понятию иррациональности, по крайней мере, официально в России снят запрет на идеалистическое мировоззрение, о чем свидетельствует не только распространение, но и популяризация православной религии даже со стороны государственной власти.

5. Сложное социально-экономическое положение в стране, влекущее за собой социально-психологическую неустойчивость.

6. Наличие результатов в области трансперсональной психологии, попыток создания теорий такой структуры материи, в которую неотъемлемыми включаются элементы сознания, теории физического вакуума, создание NLS-диагностики и д.

В этой связи претерпевает изменение сам образ науки. Многие исследуемые ею объекты очень сложны (это исторически развивающиеся системы), некоторые включают человека, как неотъемлемую его часть. В квантовой физике уже трудно исключить наличие субъекта. В начале XX в. появляются новые теории, которые более объективно описывают реальную действительность. В результате этого классическая механика заменяется теорией относительности Эйнштейна. Гипотетические теории строения материи включают сознание. Наука становится исторической наукой. В науке обсуждаются такие ее основные свойства как объективность и рациональность, но уже как проблемные. Они приобретают иное, более широкое и неоднозначное содержание.

Например, появилось понятие классической, неклассической и постнеклассической рациональности. Согласно классификации В.С.Степина рациональность подразделяется на следующие типы:

• классический тип рациональности центрирует

внимание только на объекте и выносит за скобки все, что относится к субъекту и средствам деятельности;

• неклассический тип рациональности несет в себе идею относительности объекта к средствам и операциям деятельности, экспликация этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте;

• постнеклассическая рациональность учитывает соотнесенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности.

Каждый тип рациональности обеспечивает преимущественное освоение объектов определенной системной организации: малых систем, больших, саморазвивающихся [1, с.18].

Особенностью формирующегося современного образа науки является понимание того, что развитие науки есть результат взаимодействия различных установок научного знания, различных норм и идеалов научной деятельности, ее исходных предпосылок, формирующихся в культуре своего времени.

На более глубоком уровне осмысливается историческая изменчивость постулатов, идеалов, норм познания, обогащается и развивается категориальный аппарат, в частности понятия «теория», «метод», «детерминация» и др. Отсюда возникает новое понимание категорий пространства, времени, реальности. Так, проблема реальности является одной из наиболее острых в современной философии науки.

Как считает В.А. Лекторский, классическая наука исходила из того, что существует только одна изучаемая ею реальность. Соответственно может существовать только одна истина, относящаяся к этой реальности. Между тем сегодня ясно, существует вовсе не одна, а много разных реальностей. Это реальность научная, реальность повседневной жизни, обыденного знания, субъективная реальность, реальность идеальных объектов культуры, научных и философских теорий, произведений искусства, виртуальная реальность межчеловеческой коммуникации через Интернет и др. [2, с.7]

Каждый из типов реальности имеет свои критерии существования. И поэтому имеет смысл отличать кажущееся от действительности по отношению к каждому типу реальности, при этом способы отличия будут разными в разных реальностях. В связи с этим реальность и истину мы начинаем понимать как более сложные и интересные предметы, чем это казалось в недавнем прошлом.

В настоящее время происходит смена идеалов науки. Начиная с Нового времени до середины XX в., ее идеалами были бескорыстность, постижение истины, честность, порядочность, высочайшая образованность, ответственность (выполнение долга перед Родиной в целях ее безопасности). В конце XX века в силу определенных причин наука выступает в роли производительной силы, наука становится профессией, при этом количество людей, занимающихся научной деятельностью (особенно прикладной, а не фундаментальной) выросло в несколько раз. В современную науку пришли люди с другим уровнем культуры, более низким (духовно-нравственным), что сразу же отразилось на научной деятельности. Культурный

уровень общества формирует культурный уровень научного мировоззрения. Культура конца XX - начала XXI вв. переживает кризис, как и наука к негативным свойствам культуры можно отнести бездуховность, тотальную сексуальную революцию, появление негативных эстетических идеалов, агрессивность, сближение искусства с техносферой, отчужденность. Из этого следует, что человечество находится в стадии глобальнейшего перехода из одной зоны бытия в другую, результатом чего являются бурные процессы (нередко «энтропийного и хаосогенного характера») в культуре [2, с.41]. При этом бытийная реальность, ее культурный аспект отражаются в науке не прямо и непосредственно, а через призму установок, норм и предпосылок. Наука также имеет культурный смысл как «творение» самого человека. Иными словами в XX веке исследователи зафиксировали и осмыслили социокультурный статус науки, что, по сути, выражает признание у науки четких, однозначно интерпретируемых границ отсутствия.

Отсутствие осознания четких границ науки в социокультурном плане приводит к тому, что отсутствует общепризнанная сущность науки, а, значит, в недостаточной степени осознается ее мировоззренческий, гносеологический, эвристический потенциал по отношению к культурным процессам. Естественно, что данная ситуация не позволяет, в свою очередь, адекватно оценить мировоззренческий, гносеологический, эвристический потенциал культуры. Если содержательной основой науки является разум, рациональность, независимо от их конкретной трактовки, то трактовка содержательной основы культурных процессов до сих пор остается весьма дискуссионной. Особенно это стало заметно в XX веке.

Отрицание положительного

значения науки для культуры происходит через отрицание значения разума, рационального для культуры, что приводит к определенным негативным процессам в самой культуре. Ибо это является следствием нежелания осмыслить позитивное значение разума, рационального для культуры.

Бездуховность, отчужденность, утрата эстетических, нравственных ценностей, алогизм все четче проявляются в артефактах эпохи, в произведениях искусства. Культура XX в. осознанно или нет отражает идеи фрейдизма и ницшеанства. Поп-артисты строят свои произведения на основе игры смыслами массовых стереотипов. В традиционную живопись художники поп-культуры начинают внедрять обломки гипсовых изображений, предметы повседневной действительности даже бывшие в употреблении детали машин и др. Так, Д. Дайн развесивает по верхнему краю пустого холста слегка подкрашенные столярные инструменты. Художники создают энвайронменты (поп-арт пространства), перформансы (поп-артистские действия) и др. Эти произведения демонстрируют их глубинную принадлежность к стандартизированной повседневности массового общества, в котором все ориентировано на массовое потребление. Утрачиваются личностные и духовные основания в искусстве, стремление к выражению глубинных оснований заменяются осознанным скольжением по поверхностям, проникновение касанием, образы и символы уступают место подобиям - симулякром и симуляциям; усиливаются карнавально-зрелищные аспекты художественной культуры, игра духовных сил заменяется игрой на чувственно-соматических инстинктах и т.п.

Так, некоторые художники второй половины XX в. в своих действиях пытаются обрести

некий глубинный опыт контактирования с природой через посредство своеобразных симуляков, магических действий с природными фетишами. В одном из перформансов немецкий художник Йозеф Бойс девять часов пролежал на полу завернутым в рулон в компании двух мертвых зайцев, при этом сам автор через микрофон издавал животные звуки, имитируя голоса зайца и оленя.

У художников сюрреалистов интеллект не принимается больше в расчет. Иррациональное есть единственно истинное состояние бытия. А логичное является высшей формой выражения и постижения «нового смысла». В пересыщенной атмосфере художественных парадоксов, антиномий, абсурдных образов, метафор и т.д. талантливым сюрреалистам удается «проникнуть» в сферы неких иррациональных реальностей бытия, не открывающихся научно-рациональному мышлению [2, с. 40].

Глобальное восстание против разума характерно для всех теоретиков и практиков сюрреализма, которые ощущают недостаточность в поисках основополагающих истин бытия. Творения сюрреализма погружают человека в самобытные миры, совершенно чуждые чувственно воспринимаемому миру и его законам, но внутренне чем-то близкие человеку. Это какие-то параллельные миры подсознания и сверхсознания, в которых бывало или бывает наше «я» в творческом порыве. «Иррациональное» в искусстве особенно в первой половине XX в. носило воинствующий характер. В нем отражались еще элементы духовности, поиски иной, новой истины. В конце XX в. уже не только в культуре, но и в науке понятие иррациональности расширяется, что еще в большей степени делает актуальной проблему научно-

культурной детерминации. Иначе говоря, в наши дни все больше «случайное» начинает проникать в знание, как дополняющая ее компонента. «Случайное» начинает приобретать статус умопостигаемости, то есть того, что раньше считалось неумопостигаемым.

В этом плане использование понятия «иррациональности» можно рассматривать, с одной стороны, как негативную реакцию на рациональное, а, с другой, как прогресс в раскрытии нашего сознания, это прорыв в беспредельность. То есть сознание расширяется за границы априорно-изначально нам заданного. В связи с изложенным, не следует запрещать проводить исследования в парадигмальной сфере (уже появилась и такая точка зрения в печати), поскольку ученый имеет право на свободу мысли, о чем еще писал В.И.Вернадский. Тем более что в России уже существует горький опыт с кибернетикой и генетикой. Необходимо серьезное теоретическое осмысление этих явлений.

Вышеприведенное позволяет утверждать, что проблема демаркации науки и культуры в целом или науки и отдельных областей культуры — искусства, религии и др., через осознание границ науки в ее различных аспектах — мировоззренческом, содержательном, организационном, позволит определить границы того же искусства или религии, а, следовательно, глубже осознать связь науки и культуры, прежде всего, в содержательном плане.

Часто решение проблемы демаркации науки и культуры начинается в организационном аспекте. Так В.В. Налимов, например, предлагает создать Вольный Университет (или Академию) человека будущей культуры, где обсуждались бы и преподавались самые разнообразные дисциплины, начиная с математики, теоретической физики, космо-

гонии и биологии, и кончая философией, психологией, психотерапией, философской антропологией, искусствоведением. Самым существенным в этом Университете будет, конечно, попытаться показать как иррациональное может (и должно) совмещаться с рациональным. ХХI век подсказывает нам, что нельзя продолжать жить в расщепленности этих двух начал, которую все еще пытается отстаивать уходящая парадигма нашей культуры. «Сможет ли культура будущего объединить все свое тысячелетиями накопленное состояние, или оно останется в разбросанном по разным закромам, упрямо сохраняя свою обреченность — быть неспособной к совместному действию. А если все останется как было, то в чем же смысл самой культуры?» - спрашивает В.В. Налимов [3, с.32]. Этот вопрос весьма актуален.

Как видим, в современном мире область демаркации науки и культуры расширяется. Изменяется образ науки, она становится исторической, приобретает статус социокультурного феномена, гуманистическую направленность. Понятие иррациональности в научном мире начинает приобретать иной смысл, а именно: как дополнительная компонента для рационального.

В культуре, наоборот, иррациональное (духовность, сострадание, любовь, совесть и т.п.) начинает уходить на второй план, материальные ценности, меркантильные интересы берут «верх». Особую роль играют техно- и инфосфера. Наблюдается тесная связь и взаимодействие между наукой и культурой, биосферой и ноосферой. Более того, культура в самом широком смысле, включая науку, ценностное сознание и составляет основу ноосферы.

Человек, благодаря своему разуму, интегративной творческой и научной деятельности

вносит «культурный ген» в природу в результате селекции, гибридизации, клонирования и др.; существенно изменяет экологию, накапливает колоссальную информацию об окружающем нас мире, планете, Вселенной. В этих процессах и наука, и культура идут рядом.

Несмотря на то, что человек, его мышление играют главную роль в понимании, объяснении, познании и преобразовании природных процессов и явлений, оказалось, что для такой жизнедеятельности человека необходим энергоинформационный обмен, даже определенный уровень радиации в том числе. Таким образом, человек сам, как открывая систему, «потребляет» информацию извне, причем энергоинформационный обмен между людьми, человеком и природой идет непрерывно, в основном за счет электромагнитных волн в широком диапазоне частот. Энергоинформационный обмен включает иррациональную компоненту (отчасти можно считать, что это качество информации, положительной или отрицательной), что даже в геноме человека есть ген его нравственность.

Социология в конце XX века с учетом информационной структуры человека (генома) представляет его как саморефлексирующее создание человеческого духа. Дискуссия о природном и культурном в человеке продолжается. Особенно большие надежды возлагаются на кросс-культурную психологию, изучающую эмпирические константы в психике разных людей, с помощью которой можно было бы доказать универсальную человеческую природу. Эти вопросы, несомненно, касаются процессов эволюции культуры, биосферы, ноосферы и, следовательно, науки, эволюции знания о человеке. Тем более, что анализ современного состояния науки уже допускает понятие постнауки или Новой науки. Как отмечают авторы ряда работ, если

«рассматривать эволюцию знания в терминах триады: мифо-религиозное-наука (классическая)-неклассическая - постнаука, то последняя возникает с переходом к некоему новому типу знания, в котором собственно научное знание необходимо и неразрывно соединяется со знанием ненаучным и вне-научным, интегрирующим логику и художественное творчество, теорию и объединенное знание, рациональность и трансцендентность. Наука перестает претендовать на роль доминанты сознания и культуры. Это еще раз подтверждает идею присутствия иррациональности в рациональном.

Отсюда следует, что в современном мировоззрении проблема научно-культурной демаркации, кроме учета специфических закономерностей и логики развития самой науки (И. Лакатос), принципа фальсификации, критики и борьбы мнений, утверждения ложности дихотомии естественно-научного и социального знания (К. Поппер), концепции исторической динамики научного знания, а именно возникновения новых пародигм науки в результате научных революций (Т. Кун), эпистемологического анархизма (П. Фейерабенд), серии «интенциальных» целевых актов, направленных на объект исследования, то есть применения различных видов интуиции (Н.О. Лосский), по-видимому, должна относить к основным вопросам: центризм человека, личность, духовность, анализ мышления, целеполагание, утрату или утверждение гуманистических идеалов, сближение методов познания рационального Запада и мистического Востока на основе синергетического подхода и энергоинформационного обмена.

На место кажущейся стихийности развития наук, литературных, художественных течений приходит понимание их всеобщей связи в информа-

ционном и в экологическом, а следовательно и в социально-политическом, и в познавательном смыслах, хотя наука и культура развиваются по своим внутренним законам логики, в этом их содержательная разделенность. Но основные закономерности, принципы, идеи и их трансляция из одной науки в другую (гуманитарную в том числе) аналогичны и в совокупности представляют единую картину мира.

Следовательно и наука, и культура эволюционируют и взаимодействуют, что можно отрефлексировать на основе синергетического подхода и энергоинформационного обмена. В мире наблюдается тенденция дифференциации и интеграции наук. Преобладает последний процесс. Причем синтез наук идет естественных и гуманитарных (психофизика, квантовая генетика и др.). Уплотняются коммуникативные связи (телефон, радио, телевидение, Интернет, высокоскоростные формы передвижения — самолеты, машины, поезда и т.д.). По экспоненте накапливаются новые знания, в науке уже действуют непросто кумулятивные законы получения знаний, информации, а их более глубокое осмысление. На этой основе формируется постнаука. Она возникает с переходом к некоему новому типу знания, в котором научное знание необходимо и неразрывно начинает соединяться со знанием вне-научным, интегрирующим логику и художественное творчество, теорию и обыденное знание, рациональность и трансцендентность. Но процесс интеграции наук никогда не будет понят, если не осознавать значимость процесса дифференциации.

Наука перестает претендовать на роль доминанты сознания и культуры. Это не означает отказ от логики, от рациональности вообще. Речь идет о дополнительной ее компоненте (иррациональности). Или в принципе — о принципе дополн-

нительности Бора. (Полученные экспериментальные данные об одной величине микрообъекта приводят к потери информации о другой величине его, дополнительной к первой). То есть иррациональность является одной из сторон науки.

Наука имеет культурную ценность, культурный смысл науки заключается в саморазвитии, самообразовании, самоак-

туализации субъекта исторического действия. Таким образом, развитие человека и всей культуры идет через творческую деятельность, которая содержит познавательные механизмы, имеющие генетическую природу. Демаркационная область науки и культуры выполняет функцию универсализации. В ней и наука, и культура определяют состояние бытия человека.

Чтобы. Тем самым задается конкретно-историческая структура взаимозависимости процессов интеграции и дифференциации как в самой науке, так и науке и культуры в целом или, иными словами, формируется зона демаркации между наукой и культурой, в которой разнокачественные процессы в науке и культуры взаимно дополняют и отрицают друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989.- № 10.
- Бычков В.В. К историософии современного искусства (Дескриптивно-лексиграфический // Пространство жизни. К 85-летию акад. Б.В. Раушенбаха). – М., 1999.
- Налимов В.В. Иррациональное в рациональном // Человек. – 1991. - № 4.

□ Автор статьи:

Анохина

Надежда Константиновна,
- канд. техн. наук, проф. каф. физики Сибирского государственного индустриального университета (г.Новокузнецк)

УДК 008:316.42

В. П. Конев

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ: 1991-2001 гг.

Прошедшее десятилетие в истории России (1991-2001), по мнению многих ученых, представляет отдельный и особый этап в постсоветской истории - объект осмысления, анализа и оценки в отечественном обществознании. Среди множества проблем выделяется судьба искусства в этот период, которое находится между советским прошлым и не совсем ясно предвидимым будущим, а, следовательно, содержит в себе элементы того и другого. Цель статьи – дать общую характеристику этого переходного периода, описать изменение положения художника в новой социокультурной системе, раскрыть мировоззренческие и творческие принципы нового российского искусства.

Рассматриваемый период – время кризиса традиционных (советских) культурных ценностей и рождение новых ценностных ориентаций. Основная причина затя-

нувшегося кризиса состоит в том, что их идеологам и организаторам не удалось избавиться от стереотипов утопического мышления. Семь десятилетий советской истории не прошли даром. За десять лет, с 1985 по 1995 гг., отечественные реформаторы проводили в жизнь не менее двенадцати утопических проектов [1, с. 43].

Кризис проявил себя во всех сферах общественной жизни, в том числе, в художественной культуре и его ядре – искусстве, являющемуся самосознанием культуры в целом. На смену монистическому советскому искусству, основанному на единой идеологии, пришел плюрализм художественных течений, основанных на мировоззренческом многоцветии.

В начале 90-х годов государство резко сократило расходы на культуру. По словам бывшего министра культуры Е. Сидорова, Закон о бюджете ни разу не был

выполнен, и на культуру не выделялись даже те жалкие крохи, которые были установлены [2, с. 16]

Государство утратило эффективные механизмы управления культурой, существовавшие в советское время, функционированием которых руководила КПСС. Самоустранивание государства и политика невмешательства в дела культуры в 90-е годы оказалась для последней не менее тяжелым испытанием, чем тотальное государственное и партийное вмешательство в советское время. Только в 2000 г. Правительством России была принята Федеральная программа “Культура России. 2001 – 2005 гг.”, исполнение которой, несомненно, будет весьма и весьма проблематичным.

Общий кризис, прежде всего, отразился на всей системе искусств, отдельные виды которого стали развиваться весьма нерав-